Мозамбик: радикализация ислама как фактор политической нестабильности

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsdn@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanets@gmail.com

Резюме. Радикализация ислама в Мозамбике быстро меняет религиозный ландшафт страны и способствует распространению религиозной нетерпимости. Если до 2000-х гг. Республика Мозамбик редко сталкивалась с серьезными проявлениями межконфессиональной напряженности, то с середины прошлого десятилетия традиционный суфийский ислам начал вытесняться идеологией ваххабизма на фоне общей дестабилизации социально-политической обстановки на севере страны, прежде всего в провинции Кабу-Дельгаду. В конце 2010-х гг. на территории Мозамбика начали действовать вооруженные исламистские группировки, объединившиеся в зонтичную организацию «Ансар аль-Сунна», в 2019 г. ставшую частью «Центральноафриканской провинцией “Исламского государства”», а в 2020 г. – автономным вилайетом ИГ. Подъем экстремизма/терроризма в Мозамбике активно поддерживается исламистами Танзании, Сомали, Кении, а также государств Северной Африки и Персидского залива, т.е. деятельность «Ансар аль-Сунны» уже обрела региональный характер.

Одной из причин активизации повстанческой деятельности в 2010-е гг. стало обнаружение на территории мятежной провинции крупных месторождений газа и рубинов.

Ключевые слова: Мозамбик, ислам, «Ансар аль-Сунна», вооруженные конфликты, ФРЕЛИМО, природные ресурсы, экономика войны

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. Мозамбик: радикализация ислама как фактор политической нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 46–55. DOI: 10.31857/S032150750030834-9

Mozambique: Islamic Radicalization as a Factor of Political Instability

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsdn@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanets@gmail.com

Abstract. The radicalization of Islam in Mozambique is rapidly changing the country's religious landscape and contributing to the spread of religious intolerance. Before the 2000s, Mozambique had rarely encountered serious manifestations of interfaith tension, but since the mid-2000s, traditional Sufi Islam began to be supplanted by the ideology of Wahhabism amid a general destabilization of the socio-political situation in the north of the country, primarily in the province of Cabo Delgado. At the end of the 2010s, armed Islamist groups began to operate in Mozambique, coordinated by the umbrella organization Ansar al-Sunna, which in 2019 became part of the Central African province of the Islamic State, and in 2020 – an autonomous province of the Islamic State. The rise of extremism and terrorism in Mozambique is actively supported by Islamists in Tanzania, Somalia, Kenya, as well as in the states of North Africa and the Persian Gulf, i.e. the activities of Ansar al-Sunna have already acquired a regional character.

One of the triggers of the intensification of rebel activity in the 2010s was the discovery in Cabo Delgado of the large gas and ruby deposits.

Keywords: Mozambique, Islam, Ansar al-Sunna, armed conflicts, FRELIMO, natural resources, economy of war

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Mozambique: Islamic Radicalization as a Factor of Political Instability. *Asia and Africa today*. 2024. № 5. Pp. 46–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030834-9

ВВЕДЕНИЕ

В 2010-е гг. несколько африканских повстанческих группировок («Провинция Исламского государства в Большой Сахаре», «Западноафриканская провинция “Исламского государства”¹», «Исламское государство в Сомали, Кении, Танзании и Уганде» и др.) присягнули на верность тогдашнему (2014–2019) халифу «Исламского государства» Абу Бакру аль-Багдади; их значение как организаций, представляющих угрозу безопасности стран континента, росло по мере ослабления основной фракции ИГ на Ближнем Востоке.

В 2019 г. на верность аль-Багдади присягнул и лидер созданного в середине 1990-х гг. в восточных районах ДРК бежавшими из Уганды мусульманами – противниками режима Й.Мусевени движения «Альянс демократических сил», который в 2020 г. трансформировался в «Центральноафриканскую провинцию “Исламского государства”» (ЦАПИГ), распространившую свое влияние на ЦАР, Республику Конго, Уганду, Танзанию и Мозамбик и сделавшую своей «штаб-квартирой» мозамбикский г. Мосимбоа-да-Прая, расположенный неподалеку от границы с Танзанией в провинции Кабу-Дельгаду, которая и стала эпицентром мозамбикского исламизма/джихадизма.

Мозамбик – христианское государство, лишь примерно 20% населения исповедуют ислам. Большинство мусульман проживает на севере страны – в Кабу-Дельгаду, которая остается самой бедной провинцией, с самыми слабыми системами образования и здравоохранения и с самым высоким уровнем безработицы среди молодежи, но самой богатой полезными ископаемыми. Именно сочетание этих факторов и послужило катализатором насилия и распространения радикальных исламистских идей.

ЭВОЛЮЦИЯ ИСЛАМИЗМА В МОЗАМБИКЕ

В конце XV в. португальцы, формально колонизировавшие Мозамбик в 1891 г., прибыли на восточноафриканское побережье, где в течение уже нескольких столетий процветали города, основанные народом суахили, и откуда торговцы-мусульмане распространяли свою веру на внутренние районы Африки. Португальцы-католики, считавшие мусульман своими врагами еще до прибытия на континент, постарались разрушить исламскую гегемонию в прибрежных районах, в т.ч. путем насильственной христианизации местных правителей, однако эти усилия не увенчались успехом: несмотря на то, что Лиссабон «в первый раз» управлял рядом территорий на восточноафриканском побережье более 200 лет, культура мусульман-суахили продолжала процветать и оманские арабы смогли объединиться с местными жителями, чтобы прогнать португальцев в 1720-е гг. [1].

Когда в конце XIX в., после раздела Африки между европейскими державами, Лиссабону досталась часть побережья, где сейчас находится Мозамбик, португальцам вновь пришлось устанавливать свой контроль над районами, населенными в т.ч. и мусульманами, против которых был осуществлен «крестовый поход». Последователей ислама оттеснили на север – преимущественно на территорию нынешней провинции Кабу-Дельгаду. В конце XIX – начале XX в. в регионе обосновались последователи суфийских орденов Шахдилиия (с Коморских островов) и Кадирия (с Занзибара). К 1930-м гг. им удалось исламизировать значительную часть еще оставшихся на севере Мозамбика католиков и сделать так, чтобы каждая община имела свою мечеть, обычно возглавлявшуюся занзибарцем. В 1950-е гг. португальцы жестоко подавили созданные здесь мусульманские ячейки, распространявшие антиколониальные настроения. Интересно, что португальцы уже тогда опасались создания в Восточной Африке транснационального халифата.

Однако в годы подъема национально-освободительной борьбы (1960-е – 1970-е) колонизаторы постарались, и довольно успешно, использовать мусульман в борьбе с повстанцами-христианами, считая ислам меньшим злом, нежели Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), созданный в 1962 г. в Дар-эс-Саламе. Справедливости ради следует отметить, что не все имамы поддерживали колонизаторов и португальцам приходилось опасаться их влияния, пока Революция 1964 г. на Занзибаре и свер-

¹ Организация запрещена в РФ.

жение последнего занзибарского султана не привели к заметному ослаблению мусульман в Кабу-Дельгаду [2, p. 176].

Между тем уже в 1960-е гг. традиционный суфийский ислам на севере Мозамбика подвергся нападкам со стороны салафитского движения, в котором преобладали южане, во главе с получившим саудовское образование имамом индийско-африканского происхождения (на севере Мозамбика их называли маврами) Абубакаром Исмаэлем по прозвищу «Мангира», бросившим вызов местной исламской власти. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. суфийско-салафитское соперничество коснулось и колониальной администрации: португальцы искали союзников среди различных социальных групп и в конечном итоге решили поддержать суфийское духовенство в его борьбе с реформистскими критиками, таким образом столкнув их лбами [2, pp. 181–183], и это соперничество между двумя направлениями в исламе в полную силу проявилось в исламистском восстании конца 2010-х гг.

В противовес суфиям салафиты открыто поддержали ФРЕЛИМО. После обретения Мозамбиком в 1975 г. независимости и прихода Фронта к власти в качестве правящей партии Мангира открыто сотрудничал с новым правительством, представляя себя и своих последователей убежденными националистами и обвиняя традиционный суфийский ислам в «мракобесии». Однако ФРЕЛИМО начал проводить радикальную секуляристскую политику, запретив деятельность религиозных организаций. Эта жесткая позиция уступила место прагматизму лишь в 1980-е гг., когда в условиях начавшейся в 1977 и продолжавшейся до 1992 г. гражданской войны лидеры ФРЕЛИМО осознали, что их религиозная нетерпимость может оттолкнуть значительную часть населения.

Чтобы контролировать религиозную жизнь и межконфессиональные отношения, правительство инициировало создание христианских и мусульманских ассоциаций. В 1983 г. тогдашний президент (1975–1986) Самора Машел заявил, что государство будет поддерживать молодых мусульман, желающих отправиться на учебу в арабские страны. В январе 1981 г. был создан Исламский совет Мозамбика (ИСМ), который возглавил салафит Мангира и в котором северяне-суфии представлены не были. В 1983 г. в Кабу-Дельгаду они основали свою организацию Исламский конгресс (ИК).

ИСМ стремился распространять свое влияние в мусульманских районах севера через местные мечети и путем предоставления молодежи стипендий для учебы в арабских странах; возвращаясь, выпускники-северяне чаще присоединялись к ИСМ, нежели к ИК [3, p. 146]. Соперничество между двумя организациями стало одним из факторов конфликта, вспыхнувшего в Кабу-Дельгаду в конце 2010-х гг.

Внедрение джихадистской идеологии в провинции началось в 1980-е гг., а в 1990-е исламская молодежь основала на севере Мозамбика религиозную секту, получившую известность как «Аш-Шабаб» (араб. «Молодежь»), хотя к одноименной сомалийской группировке она имела лишь косвенное – благодаря контактам между лидерами – отношение. Мозамбикская «Аш-Шабаб» примерно с 2007 г., после присоединения к ней других исламистских группировок, стала называться «Ахль аль-Сунна ва аль-Джаммаа» («Последователи пророческой традиции»), но, смешавшись с боевиками организации «Ансар аль-Сунна» («Защитники традиций»), действовавшей на территории Танзании, а также в других частях побережья, мозамбикские исламисты стали обозначать себя этим же именем.

Сначала движение имело мирный характер: секта возводила мечети и проповедовала пуританскую, т.е. осуждавшую богатство, версию ислама; её члены отказывались посещать другие мечети, не пускали детей в государственные школы, избегали контактов с местными властями и «не своими» религиозными лидерами, призывали к «очищению» ислама от мистических практик суфиев, которых называли «отступниками» [16]. Впрочем, основы милитаризации движения были заложены с самого начала: «Ансар аль-Сунна» контролировала несколько медресе в округе Мосимбоа-да-Прая, ученики которых позже стали боевиками вооруженного крыла группировки.

Очернение суфиев сектантами, не являвшимися и правоверными салафитами (каковыми они себя позиционировали) хотя бы потому, что не снимали обувь перед входом в мечеть, привело к обострению отношений между ними. Ситуация стала еще более напряженной, когда к «Ансар аль-Сунне» примкнули последователи Абуда Рого Мохаммеда – лидера кенийской «Аль-Хиджры», тесно связан-

ной с сомалийской «Аш-Шабааб». После беспорядков в Момбасе, связанных с убийством Рого в 2012 г. кенийскими спецслужбами, одни его сподвижники отправились в Сомали, другие – в Танзанию, откуда перебрались в Кабу-Дельгаду². Этот контакт с последователями Рого оказался определяющим для мозамбикских исламистов, которые начали призывать к введению в провинции законов шариата. Постепенно «мирная» организация стала превращаться в экстремистскую группировку.

В середине 2010-х гг. «Ансар аль-Сунна» приступила к созданию вооруженных групп, пополнявшихся не только мозамбикцами, но и сомалийцами, кенийцами и – больше всего – танзанийцами: ведь и штаб-квартира движения до 2017 г. (когда она переместилась в Мосимбоа-да-Прая) находилась в танзанийском районе Кибити, поэтому «Ансар аль-Сунну» часто называли «Суахили-Сунной», а суахили стал языком общения боевиков-«интернационалистов» даже на португалоязычной территории [4].

Следует отметить, что престиж танзанийских медресе и высокая репутация танзанийских мусульманских священнослужителей среди мозамбикцев зачастую побуждали последних отправлять своих сыновей изучать Коран именно в Танзанию. Местные суфийские практики в северном Мозамбике сформировались под влиянием мусульман-суахили – прежде всего с Занзибара, как, впрочем, и салафитские идеи джихада, проникшие в Кабу-Дельгаду из или через Танзанию. Существует и связь между «Ансар аль-Сунной» и танзанийской исламистской сетью *Walokole wa Kiislamu* (суах. – «Возродившиеся мусульмане») [5, р. 141].

Хотя изначально движение не было направлено против христиан, после 2019 г. они все чаще начали становиться объектами нападения – целенаправленных убийств, разрушений домов и церквей.

После возникновения в 2019–2020 гг. ЦАПИГ «Ансар аль-Сунна» получила еще одно название, нередко используемое в западных СМИ, – «Исламское государство – Мозамбик» («ИГ–Мозамбик»). Надо сказать, что такое множество обозначений не вносит путаницу в признании за кем-либо ответственности за совершаемые в Кабу-Дельгаду теракты: бойцы группировки, обученные в разных странах и сами себя по-разному называющие, выступают слаженно и открыто.

Первое крупное нападение «Ансар аль-Сунна» совершила в Мосимбоа-да-Прая в октябре 2017 г. Примерно 30–40 боевиков захватили тюрьму, 3 полицейских участка, оружейный арсенал и оборонялись двое суток, пока не началась полицейская операция, закончившаяся масштабными репрессиями в отношении мирных жителей. Были убиты десятки и арестованы сотни людей, включая женщин и детей, которых силовики посчитали «сочувствующими исламистам», разрушены или закрыты мечети [6, р. 3]. Ответом повстанцев на полицейские репрессии стали эскалация насилия, перемещения гражданского населения и убийства суфийских шейхов.

ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Появление исламистского движения в Мозамбике в значительной степени было обусловлено секулярной политикой правительства, идеологическими и межпоколенческими разногласиями в среде мусульманских лидеров и ростом влияния глобальных джихадистских сетей. Одним из конфликтогенных факторов стало также ваххабитское религиозное образование, введенное на севере страны в начале 1990-х гг., в т.ч. реализация местных программ, финансируемых неправительственными организациями, и подготовка мозамбикских имамов на Ближнем Востоке, откуда они возвращались убежденными борцами «за чистоту ислама» [7, р. 8].

Между тем, хотя радикализация ислама может быть одной из причин осуществления терактов в Кабу-Дельгаду, она не была непосредственной причиной подъема насилия. Представляется, что главным поводом к возникновению конфликта стало обнаружение в 2010–2011 гг. на территории провинции огромных запасов природного газа, приведшее к тяжелым последствиям для местных жителей. Без консультаций с населением и без выплаты компенсаций правительство конфисковало в районе открытых шельфовых месторождений в округе Пальма тысячи га земель для передачи их транснациональным

² <https://www.bbc.co.uk/news/world-africa-44320531> (accessed 10.02.2024)

корпорациям для разведки и добычи газа, а элите ФРЕЛИМО предоставило право инвестировать в строительство соответствующих инфраструктурных объектов. Кроме изъятия земли власти закрыли рыбацким общинам доступ к морю, чтобы ТНК могли производить геологоразведку в наиболее комфортных условиях. Между тем сельхозугодья и море являются основными источниками средств к существованию для местного населения, которое в одночасье лишилось доступа как к традиционным, так и к новым (газ) природным ресурсам, что не могло не породить недовольство действиями правительства, практически обрекшего своих граждан на голод и нищету. Исламисты не преминули воспользоваться массовым недовольством, чтобы привлечь молодежь в свои ряды и начать боевые действия под антиправительственными лозунгами.

Ситуация, сходная с той, которая сформировалась в районе Пальмы, возникла и в округе Монтепуэш, где в 2009 г. были обнаружены крупные месторождения рубинов. В 2011 г. примерно 36 тыс. га земли были переданы ТНК *Montepuez Ruby Mining (MRM)*, 75% акций которой принадлежат британскому концерну *Gemfields Group Limited*, а 25% – мозамбикской компании *Mviriti Limitada*, фактически находящейся в собственности функционеров ФРЕЛИМО. На долю *MRM* приходится более трети мирового объема добычи рубинов³, которая в Мозамбике привела к захвату земли, использовавшейся для земледелия, и изгнанию самостоятельных старателей, становившихся к тому же жертвами насилия. Многие из них присоединились к исламистам.

То есть бедность, безработица и изъятие земли стали главными причинами обострения военно-политической ситуации в Кабу-Дельгаду. Если ислам и ранее использовался для мобилизации молодежи в организованное религиозное движение, то действия правительства, наложившиеся на исламистскую мотивацию, стали непосредственной причиной конфликта: межрелигиозные, межэтнические и социально-политические разногласия в провинции существовали всегда, но в 2010-е гг. появилась благодатная почва для их экстремального проявления.

В свою очередь, правительство уже и в ходе конфликта было озабочено не тем, что делать с многочисленными переселенцами и беженцами, а вопросом, насколько большую угрозу повстанцы представляли для газодобычи, в которую иностранные компании (*Total, Eni SpA, Anadarko Petroleum Corporation* и др.) собирались в общей сложности инвестировать более \$100 млрд: предполагалось, что к 2045 г. доходы Мапуту от добычи газа достигнут \$500 млрд [8, p. 4]. Интересно, что с началом исламистского восстания число заявок на получение горных концессий не снизилось, более того, с 2017 по 2021 г. было выдано 46 лицензий – на 68% больше, чем за предшествовавшие 14 лет [9, p. 2]. Не желая отказываться от доходов, ТНК и ФРЕЛИМО для охраны месторождений нанимали частные военные компании (ЧВК), в т.ч. *Constellis* (ранее *Academi Blackwater*), получившую известность из-за осуществлявшегося ею насилия над гражданским населением Ирака [6, p. 4]. Однако, несмотря на присутствие наемников, исламисты несколько раз нападали на Пальму и по несколько дней держали в страхе иностранных работников ТНК⁴.

ЭВОЛЮЦИЯ ВООРУЖЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «АНСАР АЛЬ-СУННЫ»

Во время октябрьских событий 2017 г. повстанческое движение было еще немногочисленным, хотя первое нападение оказалось впечатляющим. В последовавшие месяцы, возможно, из-за масштабных полицейских репрессий, группировка вела себя довольно сдержанно и совершила всего несколько атак на гражданские объекты. Однако с 2018 г., когда она впервые выступила с призывом к свержению центрального правительства, «Ансар аль-Сунна» стала совершать по 6–7 нападений в месяц, а с 2019 г. – в среднем по 16, причем география атак заметно расширилась [10, p. 8].

Бойцы – в основном в возрасте 20–35 лет – набирались в Кабу-Дельгаду и соседних провинциях [10, p. 8]. Исламисты использовали недовольство местного населения для продвижения идеологии

³ <https://ibiworld.eu/en/the-dirty-and-italian-rubies-of-mozambique> (accessed 11.02.2024)

⁴ <https://www.cddmoz.org/wp-content/uploads/2020/07/Evolution-of-Violent-Extremism-in-Northern-Mozambique.pdf> (accessed 10.02.2024)

джихада, ислам – для вербовки, а региональные и глобальные связи – для обучения и вооружения бойцов. Проповедуемые группой идеи пуританства нашли отклик в сердцах местной бедноты, как и идеи создания исламского государства как панацеи от политической и экономической маргинализации, безработицы и бедности. Привлекательной оказалась и антисуфийская риторика «Ансар аль-Сунны»: жители провинции осуждали суфийских лидеров за пассивность в отношении внутренней политики ФРЕЛИМО.

В течение почти двух лет после нападения 2017 г. правительство рассматривало события в Кабу-Дельгаду как «преступные действия, совершаемые безликими злодеями»⁵, и поручало полиции развертывать свои подразделения в деревнях, подвергавшихся нападениям, – якобы для защиты населения. Позже к полицейским присоединились и армейские контингенты. То есть власти не сделали никаких попыток понять причины конфликта, напротив, создавались препятствия для журналистских и независимых правозащитных расследований, что лишь подталкивало население к поддержке повстанцев [4].

Уровень насилия заметно вырос с 2018 г., когда исламисты начали уже не добровольно, а принудительно привлекать мужчин в свои ряды. Отказывавшихся жестоко убивали. Эпицентрами насилия стали Мосимбоа-да-Прая и несколько других районов Кабу-Дельгаду, т.е. одновременно действовало несколько ячеек. Боевики также начали разрушать дома христиан и церкви⁶. К 2021 г. число жертв исламистов превысило 3 тыс.⁷

С 2019 г., когда «Ансар аль-Сунна» превратилась в вилайат «ИГ–Мозамбик» и стала использовать черно-белый флаг ИГ⁸, СМИ «Исламского государства» начали объяснять теракты на территории Кабу-Дельгаду действиями именно сформированной в ДРК «Центральноафриканской провинции ИГ» [11]. Можно предположить, однако, учитывая отсутствие границы между ДРК и Мозамбиком, что влияние ЦАПИГ на «Ансар аль-Сунну» имеет лишь опосредованный характер – через конголезских и танзанийских боевиков, и действия мозамбикцев в значительной степени автономны [12, р. 16]. Более того, прослеживаются более тесные связи с исламистами Сомали, так как вилайат ИГ в этой стране считается «командным узлом» для филиалов «Исламского государства» в Восточной Африке⁹. Сами же мозамбикские исламисты взяли на вооружение многие «приемы» ИГ, в т.ч. обезглавливания, которые начали показывать в Интернете. Так, в апреле 2020 г. за отказ присоединиться к группировке было обезглавлено более 50 молодых мозамбикцев¹⁰.

В начале 2020-х гг. «Ансар аль-Сунна» заметно усилилась, что позволило ей атаковать крупные стратегические объекты. В марте 2020 г. группировка совершила нападение на порт Мосимбоа-да-Прая, заблокировав дороги к нему и ударив также с катеров. Прежде чем покинуть город, боевики разрушили часть инфраструктуры, административных зданий, банков, заправочных станций и т.д.; закрылось более 1000 предприятий и мастерских. То есть после присоединения к ИГ возможности группы заметно возросли. Затем были захвачены округа Кисанга и Мвидумбе, причем во время этих атак нападавшие впервые показали свои лица на видео, распространенном через социальные сети, на котором полевой командир появился с черно-белым флагом с надписью на нем на арабском языке, свидетельствующей об аффилиации с ИГ. Исламисты объявили, что намерены этим «штандартом» заменить знамя ФРЕЛИМО¹¹.

⁵ <https://www.voaportugues.com/a/pol%C3%ADcia-mo%C3%A7ambicana-diz-que-atacantes-de-cabo-delgado-n%C3%A3o-t%C3%AAm-rosto/4982070.html> (accessed 10.02.2024)

⁶ <https://reuters.com/article/mozambique-violence/insight-beheadings-in-mozambique-mark-islamist-threat-in-new-gas-frontier-idUSL8N1UF5EY> (accessed 12.02.2024)

⁷ <https://www.crisisgroup.org/africa/southern-africa/mozambique/303-stemming-insurrection-mozambiques-cabo-delgado> (accessed 14.02.2024)

⁸ <https://www.cddmoz.org/wp-content/uploads/2020/07/Evolution-of-Violent-Extremism-in-Northern-Mozambique.pdf> (accessed 14.02.2024)

⁹ https://ecoi.net/en/file/local/2024821/S_2020_95_E.pdf (accessed 10.02.2024)

¹⁰ <https://reuters.com/article/us-mozambique-insurgency/islamist-insurgents-kill-52-villagers-in-mozambique-police-say-idUSKCN2233AV> (accessed 13.02.2024)

¹¹ <https://sabado.pt/mundo/detalhe/jihadistas-ocupam-vila-mocambicana-e-divulgam-video-em-portugues> (accessed 12.02.2024)

В октябре 2020 г. группировка вторглась в Танзанию, где совершила ряд нападений на промышленные объекты, не скрывая, что главной целью был газопровод, идущий с газового месторождения в регионе Мтвара к Дар-эс-Саламу¹².

Деятельность «Ансар аль-Сунна» сочетает атаки на военные объекты и государственные учреждения, добровольную и принудительную вербовку, массовое насильственное перемещение мирного населения (только в 2020 г. более 400 тыс.¹³) и развитие т.н. экономики войны. Вербовка ведется в медресе и мечетях, молодежных ассоциациях. Чтобы избежать обнаружения, исламисты проводят свои разведывательные и боевые операции группами от 3 до 20 человек. С 2020 г. расширилась практика похищений женщин и детей с целью их принудительной вербовки¹⁴. Некоторые девушки добровольно вступают в брак с исламистами и играют вспомогательные роли, выполняя сельскохозяйственные и домашние обязанности. Участие женщин способствует упрочению связей между исламистами и местным населением [13].

Благодаря тесным контактам с жителями провинции исламисты не только обеспечивают себя продовольствием, но и участвуют в местной законной и незаконной экономической деятельности, причем уровень последней заметно возрос в связи с ухудшением – в частности, из-за пандемии *COVID-19* и стихийных бедствий (циклонов «Идай» и «Кеннет», обрушившихся на Мозамбик в 2019 г.), – экономической ситуации в стране в целом. Одной из самых прибыльных сфер деятельности боевиков стала торговля героином, который стал вторым по объему «экспортным» товаром Мозамбика: через его территорию, прежде всего через Кабу-Дельгаду, имеющую выход к морю, ежегодно перемещается от 10 до 40 т этого наркотика¹⁵.

Кроме того, «Ансар аль-Сунна» занимается контрабандой диких животных, древесного угля, слоновой кости, древесины, драгоценных камней и торговлей людьми. По оценкам, группировка получает до \$3 млн в год от торговли древесиной и до \$30 млн от торговли рубинами [7, р. 56]. Мосимбоа-да-Прайя с численностью населения примерно 30 тыс., в последние годы стал «хабом» криминальной деятельности, к которой присоединяются и иностранные работники ТНК, способствующие незаконному вывозу за пределы страны рубинов и других драгоценных камней из районов их добычи – Монтепуэша и Мведы [6, р. 2]. То есть экономика войны в регионе развивается быстрыми темпами, чему способствует наличие в нем богатых природных ресурсов.

Справедливости ради следует отметить, что в Кабу-Дельгаду, располагающей огромным заповедником, полным ценных пород деревьев, животных и мест добычи драгоценных камней, а также удобными бухтами вдоль плохо контролируемого побережья, организованные преступные группировки, занимающиеся контрабандой, существуют уже много десятилетий, но особую динамику криминальная экономика обрела в 2000-е – 2010-е гг., когда с началом «расчистки» земель под добычу газа и рубинов появилась огромная армия переселенцев, двинувшаяся в районы, наиболее «благоприятные» для незаконной деятельности [6, р. 8].

Исламисты легко адаптируются к криминальной среде, в которой находят свою нишу, начиная соперничать с контрабандистами за контроль над торговыми маршрутами, за доходы от охраны старателей и т.д. Наиболее «прибыльные» маршруты ведут из Мозамбика в Танзанию. Прозрачность границы между двумя государствами кроме торговых возможностей обеспечивает легкость переброски боевиков и оружия с одной территории на другую, пути отхода и использование соседней территории в качестве убежища. Приграничная, в т.ч. контрабандная – сухопутная и морская – торговля с Танзанией стала для «Ансар аль-Сунны» основным источником дохода и инструментом для вербовки местных жителей в её ряды.

¹² <https://www.criticalthreats.org/wp-content/uploads/2021/02/Combating-the-Islamic-State%E2%80%99s-Spread-in-Africa.pdf> (accessed 12.02.2024)

¹³ <https://www.iom.int/news/displacement-continues-due-insecurity-cabo-delgado-northern-mozambique> (accessed 10.02.2024)

¹⁴ <https://reliefweb.int/report/mozambique/it-was-end-world-during-attack-northern-mozambique> (accessed 11.02.2024)

¹⁵ <https://pulitzercenter.org/stories/fight-cabo-delgado-hidden-war-over-mozambiques-natural-resources> (accessed 10.02.2024)

РЕАКЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В апреле 2020 г. правительство публично квалифицировало деятельность «Ансар аль-Сунны» как «террористическую». В результате изменился подход властей к подавлению повстанчества. Еще в 2019 г. оно стало привлекать для этого иностранные ЧВК, в т.ч. российскую «Группу Вагнера», которая прибыла в Мозамбик в сентябре 2019 г., но через два месяца покинула страну из-за разногласий с командованием ВС Мозамбика и больших потерь [14].

В сентябре 2020 г. правительство обратилось к другой ЧВК – южноафриканской *Duck Advisory Group (DAG)*, прибывшей в столицу Кабу-Дельгаду г. Пембу с 4 гражданскими вертолетами, укомплектованными несколькими десятками человек. *DAG* участвовала в воздушных боях, обеспечивая прикрытие армии Мозамбика, начавшей наступление на исламистов в октябре 2020 г., но не добившейся больших успехов¹⁶.

В феврале 2021 г. ФРЕЛИМО заключил контракт с третьей ЧВК – консорциумом, образованным *Paramount Group*, базирующейся в ЮАР, и *Burnham Global* со штаб-квартирой в Дубаи. Но, как и действий полиции и армии, присутствия ЧВК в Кабу-Дельгаду оказалось недостаточно, чтобы остановить или сдержать нападения исламистов. Напротив, конфликт обострялся; 11 августа 2021 г. «Ансар аль-Сунна» оккупировала Мосимбоа-да-Прая и удерживала город целый год, и лишь переброска в него рундийских войск привела к вытеснению боевиков из этого населенного пункта¹⁷.

Между тем с апреля 2021 г. по призыву ФРЕЛИМО в Кабу-Дельгаду в составе миссии САДК начали прибывать военнослужащие и полицейские из 5 африканских стран (Руанда, ЮАР, Ботсвана, Танзания и Лесото). Они были развернуты в 5 округах провинции (Пальма, Мосимбоа-да-Прая, Нангаде, Мведа и Макомиа). Вместе с правительственными силами и вспомогательными подразделениями контрповстанческая коалиция численностью примерно 5 тыс. офицеров и солдат выступила против «Ансар аль-Сунны», насчитывавшей менее тысячи бойцов¹⁸.

Иностранное военное вмешательство ослабило исламистов – были уничтожены их главные базы, но не положило конец конфликту. С апреля 2021 по апрель 2022 г. «Ансар аль-Сунна» осуществила более 300 актов насилия, что свидетельствовало о её устойчивости и перегруппировке в мелкие, автономные и рассредоточенные по территории подразделения. Изменилась и тактика исламистов: спланированные операции уступили место засадам и атакам на военные конвои; они перестали захватывать территории, но сохранили способность совершать нападения на отдельные объекты, что в сочетании с географической разбросанностью делает скорое подавление повстанчества маловероятным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение и экспансия джихадистских группировок в Мозамбике связаны, прежде всего, с перманентным игнорированием соответствующими структурами ФРЕЛИМО социально-экономических нужд населения периферийной провинции Кабу-Дельгаду с преимущественным проживанием мусульман. Ситуация, в которой оказалось правительство, осложняется тем, что, как и в других районах Африки, переживающих радикализацию местного ислама, например в бассейне озера Чад [15], в Мозамбике исламисты позиционируют себя как защитники мусульманской бедноты – без этнических и региональных ограничений. Они осуждают коррупцию и отрицают стремление к обогащению, критикуют правительство за неспособность или нежелание улучшить условия жизни населения и предлагают в качестве решения всех проблем «справедливое исламское управление», что находит отклик в умах и сердцах местных жителей.

¹⁶ <https://www.voaportugues.com/a/governo-mo%C3%A7ambicano-assegura-ter-recuperado-aldeia-de-quissanga-que-estava-empoder-dos-insurgentes/5691960.html> (accessed 11.02.2024)

¹⁷ <https://www.cddmoz.org/wp-content/uploads/2020/07/Evolution-of-Violent-Extremism-in-Northern-Mozambique.pdf> (accessed 11.02.2024)

¹⁸ Ibidem.

«Ансар аль-Сунна» довольно прочно закрепились в Кабу-Дельгаду. Хотя уровень насилия к 2024 г. снизился и группировка временно покинула – в результате операций армий Мозамбика и других африканских стран – ряд населенных пунктов, это объясняется не столько ослаблением исламистов, сколько их стремлением сохранить свои силы и пополнить ряды. Репрессивная тактика правительства подталкивает местное население к поддержке исламистов, и провинция становится ничейной территорией с несколькими очагами наибольшей напряженности.

Будущее группировки в значительной степени будет зависеть от эффективности действий национальных и международных воинских подразделений. Предстоящий в июле 2024 г. ограниченный вывод контингентов САДК может предоставить «Ансар аль-Сунне» возможность воспользоваться вакуумом безопасности и расширить свою деятельность.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Garba M. A Brief History of Islam in East Africa. TMV, 2021. <https://themuslimvibe.com/western-muslim-culture/a-brief-history-of-islam-in-east-africa> (accessed 26.01.2024)
2. Alpers E.A. 1999. Islam in the Service of Colonialism? Portuguese Strategy During the Armed Liberation Struggle in Mozambique. *Lusotopie*. № 6(1). Pp. 165–184.
3. Bonate L.J.K. 2007. Roots of Diversity in Mozambican Islam. *Lusotopie. Recherches politiques internationales sur les espaces issus de l'histoire et de la colonisation portugaises*. № XIV(1). Pp. 129–149. DOI:10.1163/17683084-01401007
4. Pirio G., Pittelli R., Adam Y. The Emergence of Violent Extremism in Northern Mozambique. Africa Center for Strategic Studies, March 25, 2018. <https://africacenter.org/spotlight/the-emergence-of-violent-extremism-in-northern-mozambique> (accessed 10.02.2024)
5. Forquilha S., Pereira J. 2022. Migration Dynamics and the Making of the Jihadi Insurgency in Northern Mozambique. *e-Journal of Portuguese History*. № 20(2). Pp. 132–154.
6. Haysom S. Where Crime Compounds Conflict. Understanding northern Mozambique's vulnerabilities. The Global Initiative Against Transnational Organized Crime, October 2018. <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2018/10/TGIATOC-North-Mozambique-Report-WEB.pdf> (accessed 11.02.2024)
7. Demebele Y. Africa: Mapping Islamic Militancy – Past, Present and Future. Open Doors International, July 2019. <https://opendoorsanalytical.org/wp-content/uploads/2019/07/Africa-Mapping-Islamic-militancy-July-2019-FINAL.pdf> (accessed 11.02.2024)
8. Roe A. 2018. Extractive Industries and Development: Lessons from International Experience for Mozambique. *WIDER Working Paper*. № 2018/56. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/190105/1/wp2018-056.pdf> (accessed 13.02.2024)
9. Mate R. Mining Concession Requests Increase as Armed Conflict in Cabo Delgado Intensifies – Who Are the Lords of the Mining Licenses in Cabo Delgado? Centro de Integridade Pública, 2021. <https://www.cipmoz.org/wp-content/uploads/2021/07/Mining-Concession.pdf> (accessed 12.02.2024)
10. Estelle E., Darden J.T. Combating the Islamic State's spread in Africa. American Enterprise Institute, 2021. <https://www.criticalthreats.org/wp-content/uploads/2021/02/Combating-the-Islamic-State%E2%80%99s-Spread-in-Africa.pdf> (accessed 12.02.2024)
11. Weiss C. 2019. Islamic State claims first attack in Mozambique. *Long War Journal*. № 3. <https://www.longwarjournal.org/archives/2019/06/islamic-state-claims-first-attack-in-mozambique.php> (accessed 13.02.2024)
12. Doctor A. After Palma: Assessing the Islamic State's Position in Northern Mozambique. The George Washington University Program on Extremism, August 2022. https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs5746/files/islamic-state-in-northern-mozambique_Doctor_August-2022.pdf (accessed 14.02.2024)
13. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Женщины-комбатанты в африканских войнах и конфликтах. *Ученые записки Института Африки РАН*, 2021. № 2(55). С. 5–18. DOI:10.31132/2412-5717-2021-55-2-5-18
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Female Combatants in African Wars and Conflicts. *Journal of the Institute for African Studies*. 2021. № 2(55). Pp. 5–18. Moscow. (In Russ.). DOI:10.31132/2412-5717-2021-55-2-5-18
14. Moss K. Crippled capacity: How Weak Maritime Enforcement Emboldened Ansar Al-Sunna. Center for International Maritime Security, October 2020. <https://cimsec.org/crippled-capacity-how-weak-maritime-enforcement-emboldened-ansar-al-sunna> (accessed 12.02.2024)
15. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Бассейн озера Чад: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 1. С. 33–41. DOI:10.31857/S032150750029645-1
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The Lake Chad Basin: a Territory of Instability. *Asia and Africa today*. 2024. № 1. Pp. 33–41. (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750029645-1

16. Кармаев С.Г. Кризис в Мозамбике и угрозы регионального и глобального характера. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 6. Pp. 35–41. DOI: 10.31857/S032150750015263-1
Karameev S.G. Crisis in Mozambique and Regional and Global Threats. *Asia and Africa today*. 2024. № 1. Pp. 33–41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015263-1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for Tropical Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 17.02.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.03.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.04.2024